

Общезвестно: разногласия Андрея Донатовича Синявского с советской властью были стилистическими. А какими они были бы с властью нынешней, доживи он до наших дней? И были бы они вообще?

Начну издалека. Когда перестройка только началась, нам говорили: что же вы не едете, в России все уже совсем не так. Я отвечала, что боюсь. Чего же теперь бояться, спрашивали меня, раз КГБ нет? При чем здесь КГБ, возмущалась я их непонятливости, я его и раньше-то не сильно боялась. Боюсь умереть от раздражения, говорила я тогда. И вот это чувство раздражения не оставляет меня и сейчас. Когда-то во Франции жил зоолог Жорж Кювье, который по косточке мог восстановить целого динозавра. Я это к тому, что мир един. Когда я выхожу на улицу и вижу на дороге чудовищную пробку, то понимаю: вся страна, сверху донизу, устроена не так. Уже 35 лет я живу во Франции, была во множестве стран, в самых знаменитых городах мира — и нигде ни разу не видела ничего подобного. Когда я приезжаю в Москву, то веду обстоятельные беседы с шоферами — у меня плохо с ногами, и обычно я передвигаюсь на такси. А в машине приходится не столько ехать, сколько стоять, так что мы успеваем поговорить о многом. В том числе — почему по пробкам мы первые в мире...

По дороговизне жизни, говорят, тоже...

Зато по заработкам здорово отстали. И все это вместе меня очень раздражает.

Но стилистические разногласия привели в свое время Синявского в лагерь, а сегодня, пожалуйста, раздражайтесь себе сколько угодно — никто и бровью не поведет!

Думаю, что через некоторое время будут и сажать. Как я это поняла? Дело в том, что, живя во Франции, так уж получилось, я не владею французским языком. Мой сын, французский писатель и экономист, все, что надо, мне расскажет. А передачи я смотрю российские, в основном те или иные варианты ток-шоу. И вот я стала замечать, что начинают замалчиваться некоторые темы, исчезают какие-то слова, имена. Все пока было на уровне ощущений, не более того. А в мае прошлого года, ровно год назад, я была в Москве и попала на → 52

«Боюсь умереть от раздражения». Мария Васильевна Розанова, вдова Андрея Синявского, всегда находилась в оппозиции к власти и властителям: сначала к советским правителям, а впоследствии — к Борису Ельцину и Владимиру Путину. Перед восшествием на престол нового руководителя страны The New Times встретился с Марией Розановой

“
Горбачева я критиковала за то, что он все делает слишком медленно. Должно было пройти время, чтобы понять: то, что он делал, надо было делать еще медленнее
”

одну подобную передачу. Разговор шел о свободе слова, о том, как с ней у нас все в порядке. И я сказала: а вот у меня есть сюжет, который меня очень волнует, но который, думаю, никто не напечатает.

Тогда только что произошли события вокруг памятника в Таллине, и мне было что рассказать. В марте 1941 года мать с отчимом привезли меня в Эстонию, в местечко Лихула под Таллином, на весенние каникулы. Отчим преподавал в школе погранвойск. Курсанты жили в казармах, а преподаватели, офицерский состав были на постое у местного населения. Отчим жил на одном из хуторов в богатом доме, принадлежавшем большой семье из нескольких поколений. И я, 11-летняя девочка, столкнулась с тем, что на все вопросы мне отвечали только по-эстонски: «эймыйста» — «не понимаю» и «эй олэ» — «нет». Хотя было ясно: все эти люди понимают по-русски, но для общения с нами специально был выделен человек. Остальные просто излучали ненависть. Ненависть к нам, оккупантам. И они ждали немцев как освободителей.

И вы об этом рассказали на записи той передачи?

Я рассказала, но от моего рассказа не оставили ни слова. И что я там делала, на этой передаче, стало абсолютно непонятно. Так, говорила какие-то общие слова. Приблизительно в то же время я стала замечать, что и Синявский — не самая любимая фигура в своем отечестве. И я тогда кому-то сказала: наступит 8 октября, день рождения Синявского, и о нем не будет сказано ни слова.

Чем вы это объясняете? Почему именно сейчас? Ведь против Ельцина вы с Андреем Донатовичем выступали куда яростнее?

Ельцин был в советском прошлом всегонавсего секретарем обкома. А сегодняшние ребята родом с Лубянки. А у меня и Синявского с этой дамой, с Лубянкой, были очень напряженные отношения.

И все-таки вторые Синявские чтения проходили в течение двух дней, собрали массу серьезных людей, все было достаточно гласно и широко. И никто не мешал!

Не надо забывать: все происходило в Библиотеке иностранной литературы, у которой огромные международные связи. Открывал чтения советник посольства Франции по культуре. То есть это было не то мероприятие, на которое можно так просто взять и наложить лапу. Но вот вам другая история. Есть такой всем известный человек Дима Быков — поэт, прозаик, публицист, критик, телеведущий. Когда я ему рассказала про гонения на Синявского, он не поверил. Решил проверить. И в статье в «Известиях» («Опыт о правде и неправде» от 29.04.2008 г.), посвященной фантастике вообще и братьям Стругацким, позволил себе три фразы о Синявском. Представьте: две полные колонки, куча самых различных имен. Не тронули, по словам самого автора, ни единого слова. Но все три фразы о Синявском аккуратненько вырезали. И вот только тогда Дима Быков поверил в мое чутье.

Если посмотреть ретроспективно, те или иные разногласия у вас с Синявским были с любой властью, кроме, пожалуй, Горбачева...

С Михаилом Сергеевичем мы подружились уже тогда, когда он перестал быть главным начальником. А до этого я критиковала его за то, что он все делает слишком медленно. Должно было пройти время, чтобы понять: то, что он делал, надо было делать еще медленнее. Конечно, он делал ошибки, но это совершенно естественно — мою страну никто никогда до него не перестраивал. Когда начинался российский капитализм, я ссорилась с кучей народу, пытаюсь объяснить: надо начинать с частной собственности, с маленькой веточки, которая станет расти, как дерево. А мне говорили: вот, в Европе капитализм начинался с бандитизма, а потом все устаканилось. Но когда английская королева отлавливала пиратов, она вешала их на рее. В крайнем случае они богатели, но лордами не становились. У англичан, французов, американцев издавна существовало уважение к частной собственности. В России все было по-другому, потому что всегда существовало два народа — «страна рабов, страна господ». И это не мной придумано...